

## **0.1 Проблемы богословия и богословского языка<sup>1</sup>.**

### **0.1.1 Эпистемология.**

Вначале я предложу читателю краткий обзор развития науки о познании, эпистемологии. Это необходимо для дальнейшего понимания сложностей, с которыми приходится сталкиваться современному богословию.

#### **0.1.1.1 Позитивизм и неопозитивизм. Теория верификации.**

В XVIII веке некоторые философы-рационалисты заявляли, что имеют отношение к истине лишь те утверждения, которые можно фактически подтвердить с помощью наблюдений, опыта. Дэвид Юм и вовсе считал, что все книги по теологии и метафизике следует сжечь из-за их полной бесполезности.

В основе этого отношения лежало убеждение натуралистов в том, что богословское высказывание в принципе не может быть подтверждено опытом. Религиозный опыт не рассматривался как существенный.

Во-вторых, натуралисты тех лет были уверены, что в отличие от мистики и метафизики научный метод дает твердые знания. Ведь они всегда подтверждаются реальными наблюдениями, доступными для всех людей, обладающих достаточной научной квалификацией. Язык науки казался тогда совершенно объективным, выверенным, в противовес субъективным и расплывчатым заявлениям религии.

В XX веке, с рассветом философии языка, это впечатление усилилось. Неопозитивисты Венского кружка, взяв на вооружение “Трактатус” Л. Витгенштейна, настаивали, что осмысленными могут считаться только высказывания, содержащие в себе опытные данные, или ссылку на эти данные. Значением истинности или ложности могут обладать только математические и физические высказывания, так как они могут быть верифицированы с помощью эксперимента (отсюда, название движения — “верификационизм”). Все осмысленные высказывания могут быть записаны четким языком математики.

С другой стороны, есть дисциплины, которые с точки зрения неопозитивизма являются “вещью в себе”, они никак не связаны с реальностью, опытом. Синтетический язык, которым они пользуются, на самом деле ничего не означает. Таким образом, выражения вроде “Бог существует”, или “красть нехорошо”, или “пейзажи Левитана прекрасны” — бессмысленны, так как не ссылаются на эмпирические данные.

Этот пример показывает, что создатели теории верификации пользовались неким специальным, узким определением смысла, которое не совпадает с тем значением, которое мы интуитивно придаем этому понятию. Ведь мы не можем согласиться с тем, что, например, этические правила — бессмысленны по своей сути. Такое узкое определение смысла автоматически исключает те сферы

---

<sup>1</sup>Эта глава написана на основе работ Х. Кюнга, С. Эванса и В. Алстона.

человеческой мысли, которые не могут быть так же строго формализованы, как некоторые научные теории. Непонятно, с какой стати мы должны принимать это неопозитивистское определение и все рассуждения о бессмысленности богословия вместе с ним.

К этому можно добавить, что наука сама не всегда соответствует этим жестким критериям. Непосредственно наблюдать некоторые явления, постулируемые наукой, просто невозможно (например, кварки, или черные дыры). Поэтому теорию верификации пришлось расширить, чтобы включить в нее научные теории, которые не соответствовали слишком строгим правилам неопозитивистов (были введены т.н. “соединительные принципы”).

Это означало ослабление теории верификации. В расширенном толковании необязательно непосредственное подтверждение высказывания, ссылка может быть косвенной. Верификация даже не обязательно должна быть окончательной, вполне достаточно, чтобы она была возможной в принципе. *Однако, теория, ослабленная таким образом, допускает, что религиозные высказывания обладают познавательной силой, смыслом.* Никому из философов-неопозитивистов так и не удалось выработать непротиворечивые критерии, которые бы признавали осмысленными научные теории, отсекая при этом метафизические и богословские.

Еще одна проблема верификационной теории: многие научные гипотезы были придуманы до того, как появилась возможность проверить их экспериментально. Например, атомарная теория. Но если верификация тогда была невозможна, то, согласно неопозитивистам, и сама гипотеза в то время была бессмысленна. Как же она была понята теми, кто позже придумал эмпирический способ ее проверки?

Есть еще ряд вопросов к теории верификации<sup>2</sup>:

- По какому праву нормы искусственного языка (ориентированного на логику и математику) наложены на обычный язык?
- Разве вообще возможно недвусмысленно определить базовые концепции исследования даже в естественных науках<sup>3</sup>?
- Как можно исключать некоторые вопросы как “бессмысленные” из круга рассматриваемых, если нельзя эмпирически, или математически определить, что такое на самом деле “смысл” или “значение”?
- С какой стати эмпирический, чувственный опыт ставится в качестве критерия смысла?
- Уверены ли мы, подобно идеалистам XVIII века, в “исключительно благотворном действии науки”<sup>4</sup>?

---

<sup>2</sup>See: *Küng Hans*, Does God exist? An Answer for Today. NY: The Crossroad Publishing Company, 1991, P. 100.

<sup>3</sup>Например, атома, который в самом названии (α-τομος, греч., — неделимый) содержит противоречие.

<sup>4</sup>Достаточно вспомнить изобретение газа “Циклон” для уничтожения заключенных в нацистских лагерях смерти и ядерные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, чтобы убедиться в том, что “чисто научные высказывания” и идеи нуждаются в серьезной проверке с точки зрения этики, богословия, философии.

### 0.1.1.2 Карл Поппер и теория фальсификации.

В настоящее время теория верификации не пользуется авторитетом в научных кругах. “Могильщиком” этих построений стал Карл Поппер. В своей автобиографии, под заголовком “Кто убил логический позитивизм?” он отвечает на этот вопрос: “Боюсь, что я должен признать ответственность. Однако, я сделал это ненарочно”<sup>5</sup>.

Поппер показал, что неопозитивизм, стараясь разрушить метафизику, одновременно разрушает и науку. Как уже говорилось, многие естественнонаучные высказывания невозможно подтвердить опытно и, следовательно, они должны быть отвергнуты как “метафизические”. Даже индуктивное обобщение данных оказывается бессмысленным.

Пример: Такое утверждение как “вся медь проводит электричество” может считаться осмысленным только в том случае, если оно будет подтверждено опытно. Это означает, что вся медь во всей вселенной должна быть протестирована в отношении электропроводности, что, очевидно, невозможно. “Природные законы также (как и метафизика, — И.П.) не могут быть логически редуцированы к элементарным утверждениям опыта”<sup>6</sup>.

С самого начала Поппер принял за отправную точку то, что все научные теории имеют гипотетический характер (что следует из общей теории относительности Эйнштейна). Теория — не объективная истина, а лишь одно из возможных приближений к истине, одна из возможных перспектив.

В отличие от членов Венского кружка, Поппер считал, что теории не выводятся просто из опыта. Это свободные, творческие проекты, которые имеют только гипотетическую ценность и должны быть проверены. Для этого должен использоваться метод “проб и ошибок”.

Вместо теории, требовавшей опытного *подтверждения* всех осмысленных высказываний, Поппер ввел в научный оборот теорию *фальсификации*. Научной считается лишь та теория, которую можно фальсифицировать (опровергнуть). Например, высказывание “все лебеди — белые” фальсифицируется демонстрацией одного черного лебедя. Таким образом, этот критерий не требует проверки цвета всех лебедей во вселенной.

Теория считается подтвержденной в том случае, если она остается устойчивой, несмотря на продолжающиеся попытки фальсификации.

“Старый научный идеал *episteme*<sup>7</sup> — абсолютно уверенного, демонстрируемого знания — оказался идиолом... каждое научное утверждение должно всегда оставаться относительным. Оно, разумеется, может быть подтверждено, но любое подтверждение — относительно”<sup>8</sup>.

---

<sup>5</sup>Cf.: Ibid, P. 106.

<sup>6</sup>Cf.: Ibid, P. 102.

<sup>7</sup>ἐπιστήμη, греч. — (научное) знание.

<sup>8</sup>Cf.: Ibid, P. 104.

Однако есть высказывания, которые нельзя фальсифицировать. К ним относятся утверждения этики, философии и религии. Нельзя опровергнуть фразу “Бог существует”, так как никто не в состоянии продемонстрировать отсутствие Бога. Впрочем, “ненаучность” таких высказываний не означает их бессмысленности. Они имеют свой конкретный смысл, хотя и не могут использоваться в области точных наук. Критерий фальсифицируемости это всего лишь линия разграничения физики и метафизики, точных наук — с одной стороны, и психологии, философии, богословия — с другой. Таким образом, оказывается возможной рациональная разработка метафизических вопросов.

#### **0.1.1.3 Томас Кун и научные революции.**

На смену теории фальсификации пришла теория научных революций. Согласно идее Куна новые теории возникают не с помощью верификации, или фальсификации, но с помощью замещения одних научных моделей (парадигм) другими.

Двигатель науки — не фальсификация или верификация концепций, а *решение научных задач*. Ученым обычно движет вызов задачи: чем сложнее задача, тем интереснее ее решение.

В “нормальной науке” имеет место постепенный процесс накопления знаний. Он основывается на одном или нескольких научных достижениях, которые в течение какого-то времени признаются научным сообществом как фундамент для дальнейших исследований.

Однако, со временем в науке накапливаются иррегулярности, исключения, не вписывающиеся в существующие теории. Первое время их стараются объяснить в рамках старой теории с помощью дополнений и исправлений. Однако эти усилия по уточнению, исправлению теории только ведут к ее подрыву. Теории Птолемея, Ньютона, Коперника уступили место новым гипотезам, так как уже не могли объяснить совокупность полученных данных.

Переход к новой парадигме не совершается постепенно, как предполагал Поппер. Когда количество накопившихся иррегулярностей становится критическим, происходит научная революция, которая меняет мировоззрение всего научного сообщества. Главную роль в этих революциях играет вдохновение, неожиданный ход мысли, инсайт, а не кропотливое экспериментирование. Это рождение совершенно нового взгляда, переворачивающего все представления. При этом ученые как будто переносятся на другую планету, где все привычные вещи видятся в новом свете, в сочетании с вещами совершенно непривычными и незнакомыми.

#### **Выводы:**

Наука о познании за последние пол-века прошла большой путь. От сверхкритичной рациональности позитивизма и лингвистического анализа в результате долгого процесса внутренних исправлений она вновь вернулась “к необходимости

истории, психологии и даже «метафизики»<sup>9</sup>.

Сегодня в отличие от прежних времен в естественных науках принимаются предосторожности для того, чтобы ни применяемый метод, ни постигнутая истина не считались абсолютными.

“В отношении перспективности и изменчивости любое число методов и аспектов, проектов и паттернов возможно в отношении единственной реальности, которая сама всегда остается бесконечно более богатой и более сложной, чем все высказывания о ней, даже самые точные”<sup>10</sup>.

Однако и современная метафизика уже не пытается как прежде занять место надстройки над зданием науки, но стремится предложить фундамент, с помощью которого возможно ее гармоничное развитие.

Что все это означает для богословия? По-видимому то, что важнейшее значение имеют не конкретные богословские высказывания, а концепции, парадигмы. Если внимательно взглянуть в историю богословской мысли, мы увидим даже некое подобие научных революций. Например, применение в богословии терминов греческой философии “усия” и “ипостась” (причем, в измененном смысле), введение термина “Единосущный” в период Первого Собора стало, несомненно, революционным изменением богословской парадигмы и было принято не сразу и не всеми. Сущность изменения — более смелое применение философского метода в богословии.

Однако мы не можем вместе с учеными заявить, что “все относительно” и заняться свободным теоретическим поиском в области догматики. В христианстве огромное значение имеет богословская традиция, оплаченная потом и кровью подвижников веры, исповедников и мучеников. Догмат в Церкви это не “рабочая гипотеза”, а выражение абсолютной истины.

Собственно, здесь начинается самое интересное. Каким образом человеческий язык в состоянии выразить истину о Боге? Можем ли мы ее выразить с абсолютной точностью?

### **0.1.2 Проблемы богословского языка<sup>11</sup>.**

Следует сразу оговориться, что отдельного богословского языка не существует.

“Вы говорите на французском?”

“Нет, только на богословском”.

Очевидно, богословская речь использует слова обычного языка, придавая некоторым из них особенный смысл.

---

<sup>9</sup>Cf.: Ibid, P. 109.

<sup>10</sup>Cf.: Ibid, P. 110.

<sup>11</sup>Эта часть главы написана на основе статьи William P. Alston, *Religious Language* // *The Oxford Handbook of Philosophy of Religion* / Wainwright, William J. New York: Oxford University Press, 2005.

Пример: говоря о том, что Бог Сын рождается от Бога Отца мы не имеем в виду процесс человеческого рождения, но некоторое отношение, которое условно, метафорически передается словом “рождаться”.

Можно сравнить использование человеческих понятий в богословии с речью, которой пользуются профессиональные дегустаторы вин. Например, во время дегустации мы можем услышать как сомелье заявляет, что вкус данного вина — “округлый”. Специалист не имеет в виду, что в вине каким-то образом присутствует круг, а лишь использует это выражение, обозначая совершенно конкретное, но с трудом поддающееся описанию вкусовое ощущение. Речь идет о гибкости человеческого языка, способного описывать очень отвлеченные, абстрактные вещи, даже такие труднодоступные как свойства Божества. Ясно, что принципиально непреодолимых препятствий в этом отношении нет.

Однако, ясно и то, что адекватное восприятие конкретных символов связано с непосредственным опытом. Каким образом опыт “округлого” вкуса вина может быть передан непосвященному? Очевидно, кроме теоретических объяснений, которые придется выслушать новичку в дегустации, он должен также получить непосредственный опыт сопоставления концепции с ощущением.

Тут и начинаются трудности. Если продолжить аналогию, богослов может сколько угодно теоретизировать о тайнах божественной Природы, однако сведения, полученные из книг, не помогут ему правильно понять какая реальность стоит за богословскими терминами, которые использовали отцы Церкви. Соответствующий термину опыт может быть получен только в лоне церковной традиции, посредством молитвы и богомыслия, желательно под руководством опытного наставника.

В соответствии с традицией, в этом месте я должен остановиться и скорбно посветовать о том, что мой собственный труд представляет собой набор скверно понятых формулировок и искусственных рассуждений, не подкрепленных молитвенным опытом... И продолжить начатое, с надеждой, что Бог все же сделает мои усилия не совсем бесполезными.

К тому же, можно думать, что хотя глубокое и всеобъемлющее знание реалий духовного мира большинству из нас недоступно, однако это все же оставляет пространство для частичного понимания языка богословия не только христианами, но даже “внешними”. Критерии оценки смысла богословских высказываний действенны и внутри, и вне религиозной традиции, хотя степень понимания может сильно варьироваться.

Многие термины используются в богословии точности так же, как и в других контекстах. Например Символ веры содержит такие фразы как “распятого... при Понтии Пилате; и страдавшего, и погребенного”.

Такие термины и фразы не используются в особом религиозном смысле, но понимаются буквально, как в обычной речи, хотя повествуют об исключительно важных событиях.

Одним словом, религиозная речь не автономна, не замкнута в себе. К ней

применимы критерии истинности, которые применяются к обычной речи. Другими словами, высказывание “Христос воскрес” истинно потому, что Иисус Христос действительно встал из мертвых, а не из-за особого эпистемологического статуса религиозных высказываний.

#### **0.1.2.1 Что мы имеем в виду, когда говорим “Бог”?**

По-видимому есть два способа, которыми мы пользуемся для того, чтобы связать символ и реальность.

##### **1. Описательная ссылка.**

Кого мы имеем в виду, когда говорим, например о В. Жириновском? Главу партии ЛДПР, участника нескольких громких перепалок с собеседниками, автора заявления о мытье солдатских сапог в Индийском океане...

Мы используем определенный список предикатов (каждый из которых является ссылкой на что-то другое), чтобы уточнить данную ссылку. И это является проблемой, потому что все эти ссылки не уникальны. Таким образом, ссылаясь на символ, мы не говорим ничего конкретного.

Впрочем, в отношении Бога мы используем вполне уникальные ссылки: всемогущий, всеблагий, всеведущий... Они, вроде бы, не оставляют места для разночтений.

С другой стороны, услышав фразу, произнесенную условным сантехником Петровичем: “Ну ты Аристотель!”, мы вряд ли заподозрим Петровича в глубоком знакомстве с обстоятельствами жизни и содержанием трудов древнегреческого философа. Однако ссылка будет понята не только самому Петровичу, но и всем его собеседникам. Здесь речь идет о втором типе ссылки.

##### **2. Прямая ссылка.**

Источник такой ссылки — непосредственный опыт, получаемый в процессе обучения. Вспомним пример с сомелье, объясняющим особенности вкуса вина новичкам. Кроме описания, теории, обучение предполагает прямой опыт дегустации. Существует некая цепочка обучения, которая всегда начинается с опыта и с желания сослаться на него. Так ученики, обученные сомелье, сами со временем становятся учителями.

В случае с богословскими понятиями, мы учимся сопоставлять их с доступным нам молитвенным опытом. Вот почему в этом процессе так важно участие духовно опытного наставника, позволяющего отличить истинный опыт от ложного. В результате молящийся начинает различать духовные состояния, понимать смысл как элементарных, так и очень сложных символов религиозной речи. “Благодать”, “духовный”, “освященный”, — эти понятия связываются с опытом в религиозной практике, в церковной

жизни. Чем полнее религиозная жизнь, тем глубже понимание религиозных терминов.

“Обычно мы учимся ссылаться на Бога в молитве к Богу, хваля, благодаря, исповедаясь Богу, входя во взаимодействие с Богом в таинствах и обрядах и т.д. Мы учимся ссылаться на Бога как на существо, с Которым мы и наши руководители находятся в контакте во время всего этого. Т.о. даже если (как это обычно бывает) мы также учимся идентифицировать описания Бога в течение этой тренировки в практике, эти описания не составляют нашего единственного средства определения Бога. Мы также мысли о Боге как о Том, Кто упоминается в таких практиках всеми нашими предшественниками в данной религиозной традиции”<sup>12</sup>.

*Küng Hans*. Does God exist? An Answer for Today. NY: The Crossroad Publishing Company, 1991.

The Oxford Handbook of Philosophy of Religion / Wainwright, William J. New York: Oxford University Press, 2005.

---

<sup>12</sup> William P. Alston, Religious Language // Ibid, P. 229.